

УДК 94(430)

Ф. Феррбёф

**ГОРОДСКИЕ ЭЛИТЫ КЁНИГСБЕРГА:
МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ОБНОВЛЕНИЕМ (1815 – 1914)**

120

Показано, как элиты Кёнигсберга столкнулись с переменами в XIX в. Старые торговые семьи города всё более вступали в конкуренцию с новыми акторами, особенно промышленниками и банкирами, пытавшимися одержать верх над первыми. Исследуются изменения в этих элитах во время значительных экономических, общественных и политических перемен.

The paper focuses on Königsberg's elites faced with fast changes in the 19th century. The city's old merchant families were up against increasing competition from new actors – industrialists and bankers – trying to take advantage of the former. The author examines changes in the elites in the course of major economic, social, and political changes.

Ключевые слова: Кёнигсберг, Восточная Пруссия, городские элиты.

Key words: Königsberg, East Prussia, urban elites.

Вторая столица Прусского королевства с момента его учреждения в 1701 г. и королевская резиденция, Кёнигсберг был также к началу XIX в. вторым городом Пруссии по численности населения¹ и основной метрополией королевства к востоку от Вислы. Речь шла о весьма привлекательном городе с двух точек зрения – коммерческой (вследствие развития порта) и интеллектуальной – благодаря Альбертине, первому университету, основанному в Пруссии в 1544 г.² Эти обстоятельства придавали городу неоспоримую важность к моменту завершения наполеоновских войн. Как и вся Восточная Пруссия, он сильно пострадал от французской оккупации 1806–1807 гг. и от передвижения различных армий между 1812 и 1815 г. Наполеоновские преобразования и прусские приобретения на западе, в частности в Рейнской области, нанесли серьезный удар по балтийскому городу, оттеснив его на периферию королевства. Несмотря на свое географическое положение на краю германского мира, он прежде сохранял существенное влияние – теперь же его элиты столкнулись с трудностями, которые усугублялись в течение всего XIX столетия, хотя городское развитие сохраняло некоторый динамизм.

¹ Он насчитывал 60 тыс. жителей к 1800 г. против 170 тыс. в Берлине.

² По имени основателя – первого прусского герцога Альбрехта Гогенцоллерна, который был последним верховным магистром Тевтонского ордена, секуляризовавшим орден в 1525 г., чтобы основать герцогство.

Элиты, игравшие фундаментальную роль в развитии Кёнигсберга, вышли из традиционной, несколько ограниченной среды, однако они легко вступали во взаимодействие с другими группами. В течение предшествующего периода, иногда называемого «веком Кёнигсберга» (настолько значительной была интеллектуальная и культурная роль города)³, нередко можно было видеть крупных торговцев, общающихся с городскими интеллектуалами, и среди них с самым великим из всех — Иммануилом Кантом, который дружил с британскими торговцами Джозефом Грином и Робертом Мотерби. Эти две корпорации, торговая и университетская, образовывали ядро кёнигсбергской элиты, которая постепенно, в ходе экономических и политических перемен, расширялась.

В статье анализируется эволюция, которую претерпели эти элиты в течение столетия как в своей структуре, так и в общественном положении: какие трансформации они пережили и какие первоначальные черты сохранили? Особое внимание будет уделено различным типам городских элит и демонстрации их культурной и социальной значимости.

Во многом своим экономическим могуществом Кёнигсберг был обязан морской коммерции, связанной с Балтийским морем. Коммерческие отношения с другими немецкими городами были давними, Кёнигсберг с 1340 г. входил в Ганзейский союз [1, S. 119], вероятно, вплоть до создания Прусского герцогства. Эти торговые отношения выходили далеко за пределы Германии, поскольку в начале XIX в. были установлены тесные связи с портами всего балтийского бассейна, в том числе с российскими, скандинавскими и даже английскими (этот выбор торговых партнеров объяснял нежелание портов Восточной Пруссии участвовать в континентальной блокаде, навязанной Наполеоном с 1807 г.). Именно среди торговцев нужно искать видных горожан. Их происхождение было различным: некоторые принадлежали к старинным династиям торговцев сырьем, тогда как другие были новыми. Выделяются семьи выходцев из городов и регионов, состоявших в особых отношениях с Кёнигсбергом: британцы (семья Мотерби), датчане (Лорки) и гугеноты (Туссенy). Очевидно, самыми многочисленными были немцы, но иностранные семьи имели значительный вес в экономической жизни города, тем более что в трех вышеуказанных случаях они обосновались здесь в XVIII в. и пользовались важной сетью контактов, обеспечивавшей им как экономическое, так и общественное влияние⁴. Именно в этой касте торговцев, специализировавшихся на импорте и экспорте иностранных товаров, злаков или леса, чаще всего находились лидеры *Kaufmannschaft*, городской корпорации торговцев. Наконец, существовало еще ядро еврейских семей, роль которого проявилась уже в начале

³ Этот период продолжался с момента коронации Фридриха I Прусского в Кёнигсберге в 1701 г. и до поражений под Йеной и Ауэрштедтом в 1807 г. В Кёнигсберге рождались, учили и преподавали многочисленные интеллектуалы и деятели искусств того времени, в частности писатели И. К. Готшед и Э. Т. А. Гофман, философы И. Г. Гердер, И. Г. Гаман и, конечно, И. Кант.

⁴ Мотерби обосновались в Кёнигсберге с начала 1750-х гг.; Лорки были представлены в Мемеле со второй половины XVIII в. и затем с 1809 г. в Кёнигсберге; Туссенy разместились там же к 1730 г.

XIX в., даже несмотря на существование специфического законодательства. Они работали в сфере торговли или банковского дела⁵. С провозглашением равноправия (пусть и частичного) между евреями и немцами Фридрихом Вильгельмом III в 1812 г.⁶ евреи постепенно достигли свободы действий во всех сферах общественной и экономической жизни, хотя их статус оставался неполноценным. Добившись полного равенства в 1869 г., они получили возможность интегрироваться в буржуазные круги города, даже если некоторые из евреев предпочитали держаться своего круга.

Другой категорией, из которой выходили элиты в начале XIX в., были, естественно, интеллектуалы и преподаватели Альбертины. Признанные мыслители, ученые и писатели как минимум временно проживали в прусской столице. Семья Хагенов⁷ представляет прекрасный пример прочного видного положения. Основатель династии Генрих Хаген (1709—1772) изучал фармакопею под руководством своего дяди, организовал, в свою очередь, аптеку и стал придворным аптекарем. Ему во главе семейной аптеки наследовал сын Карл Готфрид (1749—1829), который параллельно был профессором физики в Кёнигсбергском университете. Один из сыновей последнего, Карл Генрих (1785—1856), был профессором Альбертины и также правительственным советником. Наконец, сын Карла Генриха Адольф (1820—1894) также был высокопоставленным чиновником, попытавшись совершить политическую карьеру в партии прогрессистов; он трижды был избран в мэрию Кёнигсберга между 1862 и 1864 гг., и каждый раз его избрание аннулировалось Вильгельмом I, находившимся в конфликте с этой партией. Будучи муниципальным советником в Берлине с 1854 г., он избирался в прусскую палату депутатов в 1862—1876 гг., а также в рейхстаг в 1867—1876 гг.

Фамилия Хагенов сумела вписаться в престижную общественную сеть, поскольку породнилась с Нойманами, семьей физиков и математиков, и Бесселями, потомками астронома Фридриха Вильгельма Бесселя, связанными, в свою очередь, с Лорками [4, S. 432]. Рядом с этой династией располагается семья Гартунгов, издателей «Кёнигсбергер Цайтунг» с 1742 г., которая имела большое влияние на общественное мнение в городе и даже в значительной части Северной Германии. Эта либеральная газета, часто вступавшая в конфликт с прусским государством, была лишена королевской привилегии в 1850 г. — тогда она приняла название «Гартунгше Цайтунг». Интеллектуалы, таким образом, формировали серьезную часть кёнигсбергской элиты, умея объединяться друг с другом.

Подчеркнем, наконец, относительно слабую роль аристократии. Если ее власть до 1914 г. (и даже после) была очень важной в районах провинции, то Кёнигсберг пользовался большой свободой в отноше-

⁵ Некоторые из них были среди самых больших плательщиков экстраординарного налога, учрежденного Наполеоном I, когда он взял город: среди них банкиры Исаак Каспар и Мендель Оппенгейм [8, S. 320].

⁶ Эдикт от 11 марта 1812 г. [5, p. 297].

⁷ См. об этой семье: [2, S. 244—246].

нии знати начиная с Нового времени. Конечно, аристократы владели особняками и квартирами и сохраняли важное общественное и экономическое положение, но в политической жизни их роль была сравнительно слабой: никто из мэров города не происходил из аристократии. Вообще, Кёнигсберг со Средних веков был очагом сопротивления против различных властей, им управлявших: его жители противостояли последовательно Тевтонскому ордену, суверенам Пруссии и аристократии.

После 1815 г. власть этих элит была поставлена под сомнение. Появлению новых акторов способствовали реформы 1806–1807 гг., обеспечившие частичную либерализацию в Пруссии, особенно в области экономики, где резко уменьшилось влияние гильдий и корпораций. Это привело к еще большей конкуренции в традиционных сферах. Кроме того, с промышленной революцией, охватившей Германию со второй половины XIX в., диверсификация разных видов деятельности позволила также открыть доступ в элиты новым людям.

В течение всего столетия промышленность и банковское дело в Кёнигсберге интенсивно развивались. Присутствие хлебной биржи, основной европейской площадки, без сомнения, благоприятствовало образованию крупных банков. Кёнигсберг был уже в XVIII в. обеспечен могущественными фирмами⁸, но они испытали беспрецедентный расцвет, как и повсюду в Европе того времени, благодаря большому спросу на промышленный капитал. Среди них многие были организованы евреями. С 1850-х гг. самым солидным был дом *J. Simon Witwe & Söhne* И. Симона (переименованный в «Остбанк» в 1894 г.), созданный братьями Самуилом и Морицем Симоном в 1839 г. Сын Самуила Роберт считался к 1870 г. самым крупным финансистом Восточной Пруссии [4, S. 673]. Его кузен Вальтер также был очень известен. Он женился на Терезе Зоннеман, дочери крупного франкфуртского банкира Леопольда Зоннемана, и завещал городу земельный участок в 6 га в Кёнигсберге в 1892 г. [1, S. 292]. Роберт Замтер, также еврей, унаследовал солидное предприятие в 1850-х гг., которое позже стало филиалом «Дармштедтер банка» и Национального банка [1, S. 270]. Банк Гэдеке, наследницы Иоганна Конрада Якоби, которая была связана с Лорками, играл такую же важную роль [4, S. 673–674]. Наконец, отметим деятельность Георга Маркса, уроженца Кёльна, который обосновался в Кёнигсберге в 1866 г., где он управлял банком Симона, затем помогал Йозефу Литтену основать собственный дом, которым управлял начиная с 1897 г. Он интегрировал его впоследствии в «Норддойче Кредитанштальт», оставаясь директором Литтена, который под его руководством повысил капитал от 5 до 24 млн марок. «Норддойче Кредитанштальт» в конечном счете был поглощен «Дойчебанком» в 1917 г. [4, S. 672].

Промышленники также выдвинулись на первый план. В Кёнигсберге находился большой металлургический завод «Унион Гисерай», основанный в 1829 г. Специализировавшийся на производстве локомотивов и паровых машин, он много выиграл от развития железных дорог. Остендорфы, которые владели предприятием в 1852–1891 гг., бы-

⁸ В частности, Иоганна Конрада Якоби (1717–1774).

стро стали одной из самых выдающихся семей города [1, S. 232, 322]. Параллельно динамично развивался сектор переработки сельскохозяйственного сырья и древесины⁹. Самые важные предприятия трансформировались в акционерные общества и достигали национального масштаба.

Высокопоставленные чиновники участвовали также в общественной и экономической жизни города, даже если нередко они служили в нем ограниченное время. То же относится к офицерам, все более и более многочисленным в этом гарнизонном городе, близком к России. Даже в таких традиционных сферах, как, например, морская торговля, старые фамилии испытывали сильную конкуренцию. Торговец Роберт Кляйенштюбер (1813–1884), создавший свою компанию в 1838 г., пользовался с 1860-х гг. значительным влиянием. В конце концов он был избран во главе *Kaufmannschaft* в 1874 г. [1, S. 580]

Представители крупных предпринимательских семей города, кроме того, занимали должности консулов иностранных государств, нередко передаваемые из поколения в поколение. Это было характерно не только для Кёнигсберга, но и для многих городов Балтийского региона¹⁰. Лорки были консулами Дании, Туссены – вице-консулами Франции (до 1854 г.), консулом был и Кляйенштюбер. Тем не менее эти престижные функции у них все чаще оспаривают такие банкиры, как Генрих Конрад Гэдеке (консул США в Кёнигсберге; его мать принадлежала к Лоркам), Макс Минковски (консульский агент Франции в 1906 г.) или Жозеф Литтен, консул Португалии. Крайне популярными оставались должности в прусском правительстве, региональной или муниципальной администрации. Торговцы кичились тем, что были в Кёнигсберге коммерции советниками (*Kommerzienrat*) или советниками адмиралтейства (*Admiralitätsrat*). Во всех секторах были желанными должности правительственного советника (*Regierungsrat*) и тайного советника (*Geheimer Rat*), служившие бесспорным признаком общественного успеха и признания. Наконец, одворянивание, которого добились некоторые семьи, выступало апофеозом фамильного возвышения. Если семьи торговой буржуазии не были затронуты этим процессом напрямую, они могли получить столь желанную приставку «фон» посредством изменения фамильной стратегии на протяжении нескольких поколений. Потомство этих семей по возрастающей делало административную или военную карьеру, отказываясь от либеральных взглядов в пользу добротного консерватизма. К тому добавлялось владение сельскохозяйственными доменами, которое всегда создавало базу социального престижа в век, еще в значительной мере отмеченный аристокра-

⁹ В Кёнигсберге находились солодовни, мельницы, винокурни, пивоварни, как и другие металлургические заводы; в то же время было развернуто строительство Остбана (восточной железной дороги).

¹⁰ К примеру, Любек, экономическая и общественная жизнь которого аналогична кёнигсбергской в тот же период, несмотря на особенности, связанные с независимостью города, которые были четко отражены в эпопее Томаса Манна о Будденброках.

тическими ценностями, в том числе у самых прогрессивных буржуа [9]. Некоторые семьи, как Туссены или Яхманы, достигали интеграции со знатью, как и интеллектуалы-буржуа наподобие Хагенов¹¹.

В итоге влияние знати особенно ощущалось в высшем кёнигсбергском свете, может быть, более чем где-либо, в том, что касалось привлекательности земли. Если аристократия, как мы видели, играла только второстепенную роль в институтах и в городском управлении, почтенные буржуазные семьи не смогли избежать ее обаяния. Земля была самым надежным средством утвердить свою респектабельность и свой престиж перед лицом других семей того же сословия. Все крупные фамилии владели также загородными домами в окрестностях Кёнигсберга, но некоторые шли еще дальше, покупая настоящие сельскохозяйственные домены в провинции и зачастую оставляя свои коммерческие занятия ради сельского хозяйства. Нужно сказать, что Восточная Пруссия, по крайней мере до конца XIX в., оставалась раем для земельных собственников: стоимость земли была дешевле, чем в других местах. Регион привлекал консерваторов всех мастей. Тем не менее все городские торговцы, которые обосновывались в сельской местности, не были опорой консерватизма: многие участвовали в либеральном движении достаточно радикального толка, которое доминировало долгое время в провинции, вокруг обер-президента фон Шёна, а затем особенно вокруг семьи Заукенов. Соединение двух этих форм либерализма сделало из Восточной Пруссии один из бастионов либерализма при Фридрихе Вильгельме IV, затем при его сыне Вильгельме I. Потребовалась вся мощь Бисмарка, чтобы приручить этих крупных земельных собственников-либералов, влияние которых сокращается с 1880-х гг. [11].

Характерно также то, какой тип жилища в городе выбирали элиты. На смену большим домам или старым квартирам, а затем неоклассическим, неоготическим или неоренессансным зданиям второй половины XIX в. пришли на рубеже веков дома в югендстиле, предпочитаемые как буржуазией, так и дворянством, которые считали их удовлетворительными с точки зрения роскоши и комфорта. Это позволило снова обозначить отличие от плебса, проживавшего в домах низкого качества в плохом состоянии (об этом см.: [3]). Ряд зданий был возведен (после 1875 г.) архитектором Вильгельмом Лоренцем Бессель-Лорком (1845–1934), происходившим из вышеупомянутой семьи.

Городские элиты получали также одинаковое образование. Начальное обучение часто осуществлялось дома с помощью гувернеров, затем в коммунальной школе для последних классов начального образования. Потом дети поступали в одну из трех городских гимназий¹². Наибольшим почетом пользовалась самая аристократическая — «коллегия

¹¹ Генерал-лейтенант Эрнст Генрих Хаген (1831–1907), адъютант принца Альбрехта Прусского во время войны 1870 г., был возведен в дворянство в 1871 г.; землевладелец Густав Туссен (1810–1889) — в 1879 г.; адмирал Эдуард Яхман (1822–1887) — в 1882 г.

¹² Четвертая, гимназия Вильгельма, открылась в 1874 г. По поводу гимназий см.: [4, S. 598–599, 714–717]. Две другие возникли после конца империи, так и не добившись репутации предыдущих.

Фридриха» (Collegium Fridericianum), основанная в конце XVII в. и получившая аккредитацию от короля Фридриха I в 1701 г. за два года до того, как она приняла его имя. В 1810 г. появился первый прусский лицей под названием «Королевская гимназия», которую выбирали представители аристократии или самые богатые семьи. Этот лицей пользовался значительной популярностью в целом в прусской провинции и даже в соседних регионах — например, в Курляндии, где немецкие элиты находились в тесной связи с восточнопрусскими. Его посещали представители высшего света, там учились такие разные фигуры, как врач и политик Иоганн Якоби, юрист и политик Эдуард фон Симсон или будущий обер-президент Восточной Пруссии Адольф фон Батоки; некоторое время там преподавал Гердер.

Начиная с 1902 г. интеллектуальные элиты, в том числе еврейские, предпочитали Альтштадтскую гимназию с тех пор, как ее возглавил Георг Лежён-Дирихле (1858—1920)¹³. Речь шла об одном из первых лицеев, прошедших школьную реформу, которую в 1811 г. инициировал Вильгельм фон Гумбольдт. Там учились теолог Рейнхольд Бернхард Яхман, историк искусства Эрнст Август Хаген, математик Фридрих Юлиус Ришелло. Наконец, лицей Кнайпхофа принимал самую разнообразную публику, даже если смехотворное число детей имело возможность получать среднее образование. Речь шла о самом старом городском учреждении, потому что оно было основано в качестве приходской школы в 1304 г.

Получившие школьное образование могли продолжить его в высшей школе, как правило, в Альбертине. Однако влияние этого почтенного и в то же время скромного учреждения уменьшалось в течение XIX в. в связи с конкуренцией с другими университетами, в особенности с Берлинским. Одни студенты учились семестр или год в Альбертине, а другие — предпочитали получить полное образование в Кёнигсберге. Остаться в столице региона было предметом некоторой гордости для последних, что выражалось в интеграции в студенческие корпорации или буршеншафты. В Кёнигсберге самыми признанными были корпорации «Мазовия», «Литуания» и «Балтия», а также буршеншафт «Германия». Последняя корпорация, созданная в 1843 г., показывала патриотизм части кёнигсбергских студентов, тогда как три предыдущих отражали проявление региональной принадлежности. Студенты, бывшие уроженцами севера провинции, выбирали обычно *Corps Littuania*, тогда как уроженцы юга и Мазурии, в частности, предпочитали *Corps Masovia*. Играла роль и близость политических взглядов: если корпорация *Littuania*, основанная в 1820 г. и несколько раз возрождавшаяся, рассматривалась как относительно более прогрессивная, чем другие, то корпорация «Балтия», возникшая в 1851 г., позициони-

¹³ Он был потомком весьма престижной семьи, поскольку был внуком математика Иоганна Петера Лежёна-Дирихле, правнуком философа Мозеса Мендельсона и внучатым племянником музыканта Феликса Мендельсона-Бартольди. Сам он родился в Восточной Пруссии в 1858 г., где его отец купил домом годом раньше.

рвала себя как, скорее, консервативная. Постепенно появлялись школы или технические университеты, но элиты их, как правило, избегали, предпочитая классический путь через лицей и изучение гуманитарных наук — более сложных, что позволяло продемонстрировать свое интеллектуальное и социальное превосходство [10].

Многие представители городской либеральной элиты были также франкмасонами. В Кёнигсберге действовали старинные ложи, обосновавшиеся на берегу Замкового пруда, непосредственно в центре города. Их насчитывалось три: первая, «К трем коронам», была основана в 1760 г.; вторая, «К мертвой голове и Фениксу», — в 1772 г., она получила значительное влияние в конце XVIII в., но затем оно постепенно сократилось. Наконец, ложа «Иммануил», более толерантная, потому что принимала евреев, была основана в 1863 г. [4, S. 588]. Две последние ложи насчитывали в своих рядах многих деятелей искусств. Несмотря на ограниченное влияние, они позволяли различным элитам обретать платформу для встреч и, очевидно, устанавливать взаимовыгодные отношения.

Тем же целям (а заодно и развлечению в узком кругу и в более непринужденной обстановке) служили спортивные клубы и ассоциации. Гимнастические ассоциации, вполне открытые, должны быть приняты во внимание. Первым спортивным клубом в Кёнигсберге был конный клуб (1834), члены которого интересовались прежде всего коневодством [4, S. 426–427]. В 1855 г. будущий врач Эрнст Буров основал «Парусный клуб» (*Segelclub Rhe*), в котором охотно встречались люди одного круга [4, S. 587–588]¹⁴. После 1900 г. спортивные клубы, в частности футбольный, атлетический и хоккейный, как и Общество подвижных игр (*Verein für Bewegungsspiele, VfB*) «Кёнигсберг», стали предметом страстного увлечения представителей элит, стремившихся оставаться в своей среде [4, S. 756–757; 3]. Еще более аристократичный Восточногерманский автомобильный клуб (*Ostdeutschen Automobilklub*), основанный коммерсантом Артуром Мижо, прельщал любителей этого нового транспортного средства [4, S. 757].

С первых десятилетий XIX в. кафе и кондитерские заменили салоны, еще остававшиеся в моде на рубеже веков как места коммуникации; согласно Ф. Гаузе, первые посещались прежде всего людьми, интересующимися культурой и политикой, вторые — преимущественно женщинами [4, S. 422]. Кафе «Зигель» стало в середине 1840-х гг. местом встреч Иоганна Якоби и его сторонников-демократов. Кондитерская Поматти, декорированная знаменитым берлинским архитектором Фридрихом Вильгельмом Шинкелем, была в первой половине столетия изысканным местом, особенно когда Вильгельм Поматти и его брат получили титулы придворных кондитеров¹⁵. Знаменитый ресторан

¹⁴ В силу нехватки средств клуб принял участие в своей первой регате только в 1869 г.

¹⁵ Они, уроженцы Кастасеньи в кантоне Граубюнден в Швейцарии, основали первую фабрику по производству марципана в городе [7, S. 143].

«Блютгерихт», основанный в 1738 г. в одном из подземелий замка, пользовался репутацией во всей Германии. Среди его посетителей были Э. Т. А. Гофман, Рихард Вагнер, Томас Манн, многочисленные туристы. Помещения Биржи также играли определенную общественную роль: помимо финансовых сделок там происходили политические собрания, концерты, а также бал-маскарад — самое значительное светское мероприятие зимой в Кёнигсберге. Балы весьма ценил высокий свет, и они были разнообразными — балы университета, масонских лож, гарнизо-на... [4, S. 690]. Наконец, к 1900 г. такие отели, как «Континенталь», «Берлинер Хоф», «Дойче Хаус», «Германия», собирали высокое обще-ство [4, S. 691; 3].

Начиная с первой половины XIX в. высшая буржуазия и аристокра-тия Кёнигсберга также выезжали в отпуск на берег Балтики на не-сколько недель. Два места особенно привлекали отдыхающих, стано-ваясь мало-помалу настоящими курортами на севере самбийского побе-режья: Кранц и Нойкурун. В то время, когда холодные ванны вошли в моду, богатые восточные пруссаки были рады возможности воспользо-ваться возможностью поплавать в воде, температура которой достигала 18°C в середине лета. Курорт Кранц был учрежден доктором Фридри-хом Христианом Кесселем в 1816 г., после чего его коснулись различные усовершенствования. К 1900 г. он не уступал лучшим курортам Европы. Его посещаемость постоянно росла, от 1800 человек в 1861 г. до 4000 в 1873 г. и 13000 в 1908 г.¹⁶ С середины XIX в. из Кёнигсберга были орга-низованы ежедневные перевозки пассажиров в экипажах (реклама ком-пании «Майер» [6, 26.06.1874, S. 4]), которые в 1885 г. заменило прямое железнодорожное сообщение. Западнее, в Нойкуруне, на 1861 г. насчи-тывалось около 700 отдыхающих, хотя инфраструктура не была адап-тирована к такому значительному числу гостей [6, 31.07.1861, приложе-ние к №176, S. 1].

Кёнигсбергские элиты, таким образом, как элиты других портовых городов в Германии, происходили в основном, по крайней мере перво-начально, из корпораций торговцев, но также состояли из лиц интел-лектуальных профессий. Промышленная революция совершила пере-ворот, и в правящий класс интегрировались иммигранты, в особенно-сти банкиры и промышленники. Для Кёнигсберга в то же время, как и для многих городов такого типа, была характерна слабая роль знати. Последняя, хотя и была представлена в городе, не имела той ауры, ко-торую она со всей определенностью сохраняла в сельской местности. Более того, образ жизни этих элит был сходен с точки зрения художест-венных и архитектурных вкусов, досуга, смягчивших политические раз-ногласия.

Эти элиты, однако, были в основном немецкими или онемеченны-ми в случаях иностранного происхождения. Роль, которую играли

¹⁶ Статистика опубликована: [6, 17.07.1861, приложение к №164, S. 1; Ibid., 23.03.1874, S. 2–3].

меньшинства, была весьма маргинальной, что может показаться странным в таком мультикультурном регионе, как Восточная Пруссия. Мазуры или литовцы, обосновавшиеся в Кёнигсберге и преуспевшие там, имели, на первый взгляд, очень мало связей с регионами своего происхождения. Ценой тому была их интеграция в круги высшего света в разгар эпохи национальных конфликтов. Эта тема, впрочем, заслуживает более глубокого исследования. Только некоторые круги, преимущественно евреи российского происхождения, отказались приобщаться к доминирующим сферам социума и попытались учредить свое мощное сетевое сообщество. Тем не менее такие случаи были редкими и не препятствовали единству обновленной буржуазии, управлявшей городом в течение столетий.

Нужно, наконец, сказать, что авторитарные государства Пруссии и Германии не были настроены поддерживать буржуазию, которой они бросали вызов, опираясь на аристократию, в частности земельную, которая была многочисленной в провинции. Кёнигсбергская ситуация была специфической — нечто наподобие буржуазно-либерального островка в регионе, в котором господствовала аристократия. Последняя, однако, в своих мнениях необязательно была далека от городской буржуазии, поскольку в Восточной Пруссии имело место сильное земельное либеральное движение, которое, впрочем, после 1880 г. пошло на спад.

«Великая война» и ее последствия — революция 1918 г., учреждение Веймарской республики, независимость Польши и экономический кризис — значительно изменили ситуацию в регионе в целом. Городские элиты в тисках морального и экономического кризиса предприняли националистический разворот правого толка, который постепенно привел часть из них к нацистской идеологии, широко поддерживаемой в провинции с конца 1920-х гг. Другая часть пыталась следовать своим либеральным и прогрессистским убеждениям, но это идейное движение постепенно терпело крах перед лицом массовых партий — социалистов, коммунистов и нацистов, которые становились слишком влиятельными в балтийском городе, сводя к минимуму влияние этой части элиты.

Список литературы

1. *Albinus R. Königsberger Lexikon.* Würzburg, 2002.
2. *Altpreußische Biographie / Hrsg. Ch. Krollmann.* Königsberg; Marburg, 1939. Т. 1.
3. *Carrez M. Les grandes villes portuaires de la Baltique au début du XXe siècle: un dynamisme facteur de risques? Les exemples de Königsberg (Kaliningrad), Reval (Talinn) et Helsingfors (Helsinki)* (в печати).
4. *Gause F. Die Geschichte der Stadt Königsberg.* Köln, 1996. Bd. 2.
5. *Kerautret M. Histoire de la Prusse.* P., 2005.
6. *Königsberger Hartungsche Zeitung (KHZ).*
7. *Kossert A. Ostpreußen.* München, 2005.
8. *Manthey J. Königsberg. Geschichte einer Weltbürgerrepublik.* München, 2005.
9. *Mayer A. La persistance de l'ancien Régime: l'Europe de 1848 à la Grande guerre.* P., 2010.

10. *Ringer F.* La segmentation des systèmes d'enseignement. Les réformes de l'enseignement secondaire français et prussien, 1865–1920 // Actes de la recherche en sciences sociales. 2003. Vol. 4, №149.

11. *Wagner P.* Bauern, Junker und Beamte: lokale Herrschaft und Partizipation im Ostelbien des 19. Jahrhunderts. Göttingen, 2005.

Перевод с французского И. О. Дементьева

Об авторе

Флориан Феррбёф – докторант, Страсбургский университет, Франция.
E-mail: florian.ferrebeuf@gmail.com

130

About the author

Florian Ferrebeuf, doctoral student, Strasbourg University France.
E-mail: florian.ferrebeuf@gmail.com

УДК 7.036(4)